

Лидия Чарская

Царский гнев

Лидия Алексеевна Чарская

Царский гнев

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=635615

Лидия Чарская. Собрание сочинений:

Аннотация

Мрачным и тяжелым было царствование Ивана Грозного.

Но тем ярче, тем выпуклее на фоне этого печального периода нашей истории выступают подвиги тех, кто стали невинными жертвами сурового царя...

Среди них были и юноши, были и дети. Но их имена не попали на страницы истории: слишком незаметна была их роль в той картине грандиозных событий, которую представляла собою та эпоха.

Историю подвига одного из таких юных незаметных, скромных героев – если в данном случае применимо вообще слово «герой» – представляет настоящая повесть.

Задача автора состояла, однако, не только в том, чтобы рассказать об интересном, полном благородства, но забытом поступке, но вместе с тем в общих чертах ознакомить юного читателя с бытом и главнейшими деятелями той эпохи.

Содержание

I	4
II	12
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Лидия Алексеевна Чарская

Царский гнев

I

Грозен и сумрачен встал в это утро великий царь Иван Васильевич. Всю-то ноченьку не удалось сомкнуть глаз государю. Напрасно вплоть до самого белого утра любимые царем слепые сказочники рассказывали нараспев царю про походы великих князей киевских и новгородских, про татарское Батыево нашествие, про взятие Византии храбрым князем Олегом и про крещение Руси князем Владимиром Красным Солнышком.

Не могли эти рассказы усыпить царя...

Не спалось ему.

Разгневанный на бегущие от его глаз сонные грезы, прогнал сказочников царь и остался один. А как остался один — так и пошли, так и одолели царя знакомые тревожные мысли, печальные горькие думы, сомнения и тоска, которые не покидали все последнее время грозного царя Московского...

Едва дождался утра Иван Васильевич, кликнул любимца своего, молодого постельничьего Федора Алексеевича Басманова, в обязанности которого входило днем безотлучно находиться при особе государя, а в ночное время спать у две-

рей царской опочивальни, тут же рядом в соседней горнице.

Вошел Басманов, стройный белокурый мужчине с голубыми глазами, со взором хитрым, пронирыливым и недобрый в одно и то же время. На нем был голубой бархатный, шитый золотом кафтан, отороченный соболями, с золотой опояской вокруг талии, красные сафьяновые сапоги с золотыми подковками. Белая рубаха, вся расшитая шелками шемаханскими (персидскими), была унизана по вороту крупными жемчужинами. Такие же жемчужины выполняли роль пуговиц на бархатном кафтане молодого постельничьего.

Едва переступив порог царской опочивальни, Басманов повалился в ноги царю. Потом, не вставая с колен, подполз к высокой постели государя и, с благоговением коснувшись губами дорогого, расшитого парчой одеяла, спросил медовым голосом, бегая по горнице лукавым и пронирыливым взором:

– Как почивать изволил, государь-батюшка?.. Каковы сны грезилась, милостивец? Сладко ли отдохнулось сию ночьку, великий государь?

– Не спал я, Федя! – уныло произнес Иван Васильевич. – Всю-то ночь напролет глаз не сомкнул! Сердце просто изныло, изболело... Все изменники наши, бояре, мне чудились... Въявь и во сне чудилась новая измена – крамола моим очам! Не верю я им, не верю... Враги они мне, только скрывают это... Много у меня больно врагов, Федя... Как ехидны, как змеи лютые, ползают они и шипят окрест меня!.. Сам знаю, кто мне ворог злейший, кто моему спокойствию гро-

зит, кто меня, государя прирожденного, помазанника Божия, обижать дерзает... Вижу я многое, Федя, да не уличить мне, не накрыть злодеев моих: уж больно они ловки, свою измену-крамолу схоронить умеют.

И, сказав это, унылый и пришибленный за минуту до того царь точно преобразился. Его худое, изможденное от бессонных ночей лицо теперь было багрово-красно от гнева, злобы и возбуждения, губы и жиденькая бородка клинышком тряслись. Глаза горели мрачным, злобным огнем и метали искры.

Он был грозен и страшен в этот миг.

Федор Басманов знал, что в такие минуты государева гнева лучше не показываться на глаза царю. Но знал он и то, что если в эту минуту открыть Ивану Васильевичу имя или замысел нового врага, последнему не будет пощады. Государь находился в своем, столь часто появлявшемся у него состоянии жестокого озлобления, которое было так на руку его приближенным. Эти приближенные умели пользоваться подобным настроением царя и именно в такие минуты доносили ему на своих собственных врагов и недругов. Бывало, что они доносили просто из зависти на совершенно невинных людей, но большею частью на богатых и знатных бояр, заранее зная, что таких бояр постигнет неминуемая гибель, казнь, а все богатство казненных перейдет в руки доносчиков.

Ведь сколько уже случаев было подобных, но никто-никто не решался сказать грозному царю всю правду, никто не ре-

шался раскрыть ему глаза на то что творят царские любимцы...

Царский постельничий хорошо это знал и думал теперь о том, как бы воспользоваться минутой царского гнева, чтобы погубить одного из ненавистных ему бояр – молодого князя Дмитрия Ивановича Овчину-Оболенского.

Как-то на одном пиру у государя князь Дмитрий Иванович хотел сесть за стол на свое обычное место, неподалеку от царя. Каково же было удивление, когда он заметил, что на его месте уселся любимец царский Федор Басманов!

– Уступи мне мое место, Федя, – ласково попросил он молодого постельничего.

Но тот, дерзко взглянув на него, отвечал грубо:

– Не больно-то важная ты птица, князь, сядешь и пониже! Не вставать же мне из-за тебя!

Молодой князь вспыхнул, потом побледнел как смерть. Слова Басманова показались ему нестерпимым оскорблением. Ему, знатного рода князю, какой-то Басманов осмелился сказать такие дерзкие слова! В те далекие времена знатность рода почиталась куда больше богатства. На пирах и на простых трапезах люди садились за стол, строго следуя степени знатности своего родства. Чем важнее бывал гость, тем лучшее место получал он за столом. Нередко из-за этого происходили ссоры и распри у бояр и князей. Такой обычай сидеть по степени родовитости на пиру назывался местничеством и строго соблюдался в старое время.

Немудрено поэтому, что важный и знатный молодой князь был оскорблен грубым ответом простого царского слуги, не обладавшего ни титулом, ни званием.

– Тебя еще и на свете не было, молокосос, когда мой отец верой и правдой служил покойной матушке государя нашего, великой княгине Елене, – проговорил Овчина-Оболенский, впиваясь загоревшимися гневом очами в пригожее лицо обидчика.

– Что там ни говори, а мне ниже тебя сидеть не пристало! Потому с отцом твоим только и род-то твой возвысился, а допреж того вы худородные, мелкие князьки были! – зло рассмеялся Басманов, все еще продолжая нагло и вызывающе поглядывать на князя.

Тот света невзвидел от нового умышленного оскорбления. Он схватил тяжелый кубок со стола и готов был швырнуть им в обидчика, но друзья успели вовремя удержать за руку князя.

– Холоп, – проговорил он, сверкнув бешено глазами в лицо Басманова, – не хочу рук марать о тебя, а уж следовало бы проучить тебя, как негодного пса, за твои обиды...

Теперь настала очередь побледнеть Басманову.

– Ага! Ты так-то!.. Ну, ладно же, сочтемся мы с тобою, князенька! Будешь помнить, как называть холопом меня, любимца царева! – прошипел он повернувшись к нему спиной Овчине-Оболенскому.

И тут же мысленно поклялся жестоко отомстить врагу.

Вся эта ссора на пиру сейчас снова с малейшими подробностями встала в памяти Басманова. «Что, если час мести настал сегодня?» – неожиданно пришла ему в голову подлая мысль. Государь грозен и немилостив, самая удачная минута оклеветать перед ним князя Дмитрия. В такую минуту и без того дурно настроенный, невыспавшийся и недовольный царь охотнее, чем когда-либо, выслушает всякую клевету, всякий донос на кого бы то ни было. Надо только суметь донести, суметь оклеветать поладнее, и тогда, тогда... и сам князь Дмитрий Овчина-Оболенский, и все его богатство в руках его, Федора Басманова, и он волен распоряжаться ими!

При этой мысли и без того недобрые глаза Федора Алексеевича засверкали еще ярче, еще злее, а все лицо перекосилось злобной торжествующей улыбкой.

– Царь-государь, отец наш милостивый, – начал он смиренным голосом, – до тех пор измена и крамола на Руси будут, пока ты, государь пресветлый, милостивый, жалеть да щадить ослушников и изменников своих будешь... Вот выводешь измену кругом, далече, а того не видишь, государь-батюшка, что самые лихие враги поблизости тебя, тут же, почитай что рядом, благоденствуют...

– Какие еще враги? Кто благоденствует? – начиная ощущать новый прилив обычного раздражения, произнес гневно царь. – Говори толком. Не пойму я тебя! – и при этих словах приподнялся на постели, злобно ударил рукою по подушке и

так взглянул на Басманова, что другой на его месте задрожал бы от страха.

Но Басманова, напротив, обрадовало, что ему сразу удалось заинтересовать царя своими словами.

– Мудрено не понять, государь, – внезапно расхрабравшись, произнес он смело. – Есть подле тебя государь, человечешко один, из твоих холопей приближенных... Дерзнул тот человечешко про тебя такое слово молвить, государь, что и устам моим грешным не выговорить...

И со смиренным видом глубоко взволнованного и оскорбленного человека хитрый Басманов низко потупил голову.

Царь сел на своей постели, на высоко взбитых пуховиках. Его лицо побледнело и исказилось гневом. Глаза блуждали. Он схватил костлявыми пальцами плечи Басманова и, тряся их изо всей силы, прохрипел с пеной у рта:

– Кто дерзнул? Кто? Кто? Говори, холоп!

Теперь уже и сам Басманов струсил. Он понял, что надо действовать скорее и клеветать на врага умеючи и половчее насколько можно, не то самому худо будет, самому несдобровать. И, глядя в лицо царя, он, сам не менее его взволнованный и бледный, проговорил, срываясь и путаясь каждую минуту:

– Князь Овчина... Дмитрий Оболенский худо говорил тебе, государь... Говорил на пиру намедни... что... что... жесток ты не в меру... понапрасну людей губишь и что мы все... холопы твои, псы негодные... И что такому царю не

следовало бы Русью править, а нас, холопей...

– Довольно! – громовым голосом крикнул царь так, что дрогнули стены терема и сам Федор Басманов в страхе припал головой к полу. – Довольно! Молчи уж... Знаю... знаю, что далее говорить станешь... А врага нашего я угощу знатно; так угощу, что долго Митенька речи свои непристойные помнить будет...

Затем, подумав немного, прибавил:

– Вот что: поезжай к нему, Федя! Сейчас, сегодня же, сию минуту поезжай, да честь честью в гости его зови к нам, на пир честной! Скажи, сам государь-батюшка приказал просить пожаловать князеньку чин чином! Да про разговор твой со мною ни слова... Понял меня?

– Понял, государь!

– А теперь одеваться мне! Да к ранней обедне чтобы звонить начинали... Черную мне рясу подай и всей нашей братии вели собираться!

И с сердито подергивающейся бородкой и трясущимися губами царь отдался в руки появившихся по первому зову спальников, бережно приступивших к облачению царя.

II

Через полчаса по широкой дороге, ведущей от дворцового крыльца к единственной церкви Александровской слободы, куда переехал на жительство царь Иван Васильевич с семьей и со всем своим двором и имуществом, двигалось странное шествие.

Впереди, одетый в длинную черную рясу и черный же монашеский клобук, тяжело опираясь на посох, шел сам Иван Васильевич, грозный царь всея Руси. За ним чинно, по двое в ряд, выступали его приближенные, одетые точно так же, как и царь, в черные рясы и скуфьи на головах. На колокольне церкви, одетый в тот же монашеский костюм, стоял рыжий, рябой, со зверским лицом человек и, истово раскачивая за веревку большой церковный колокол, звонил изо всей мочи. Это был один из главных советчиков царя, злейший враг всех родовитых земских бояр, палач и мучитель невинных и виновных жертв, Малюта Скуратов-Бельский.

Он был назначен царем на должность звонаря и каждое утро и каждый вечер взбирался на колокольню и собирал всю братию, как называл царь своих приближенных, к заутрене, обедне и вечерне.

По первому удару колокола сам царь и его приближенные спешили надеть монашеские одеяния и шли в церковь. Здесь царь Иван Васильевич простирался перед святыми иконами

ниц и горячо молился. Пот градом лился с его лба и капал на холодные плиты каменного пола. Он бился иногда головой об эти плиты, и капли крови выступали у него на лбу.

О чем же молился царь? Чего он просил у Бога? Почему так страдальчески-вымучено было его усталое от бессонницы и тяжелых дум худое лицо?

Царя Ивана Васильевича называли Грозным царем. И называли так недаром. Он действительно был грозен и жесток. Много людей, и виновных, и невинных, было замучено и загублено ближайшими приспешниками царя по его царскому приказу. Много крови и слез лилось в то тяжелое время на Святой Руси...

Но царь Иван Васильевич не всегда был таким жестоким правителем. Было время, когда ни казни, ни пытки не омрачали его славного царствования. Не сразу и не без причины стал царь таким жестоким. Едва достигнув трехлетнего возраста, будучи еще наследником великого князя Василия, маленький князь Иван лишился отца. Великий князь (тогда еще не было царской власти, а была власть великокняжеская) умер, оставив власть своей супруге Елене из рода Глинских. Но и великая княгиня вскоре умерла. Тогда государством, за малолетством ее сыновей, Юрия и Ивана, стали править бояре.

Князю Ивану Васильевичу, наследнику престола, было только восемь лет от роду. Чтобы приручить ребенка и забрать власть над ним, бояре всячески потакали его выход-

кам, учили его недобрым поступкам, развивали в мальчишке дурные наклонности. Восьмилетний Иван сбрасывал кошек с высокого крыльца и из окон теремов на улицу и забавлялся мучениями несчастных животных. Когда он подрос, его любимым занятием было скакать верхом на коне по улицам Москвы и пугать, а иногда и просто давить людей копытами лошади. Так длилось до той поры, пока семнадцатилетнего государя не женили на молодой девице Анастасии Романовне из рода князей Захарьиных. Молоденькая государыня была кроткой и тихой и сумела смягчить тяжелый и крутой нрав царя. Он перестал быть жестоким с людьми и животными и стал больше и больше обращать внимание на благоустройство Московского государства. Семнадцати лет он венчался на царство и вместо великого князя всея Руси стал именоваться царем. Затем тотчас же был собран Земский собор, то есть были созваны выборные люди со всей России, и вместе с царем сделали много разных преобразований, полезных и нужных в делах правления.

В это время случился большой пожар в Москве; выгорела добрая половина столицы. Это вынудило молодого царя забыть прежние потехи и буйные развлечения и заняться серьезно делами государства. Слова укоризны, смело сказанные юному царю протопопом Благовещенского собора Сильвестром, сильно подействовали на Иоанна¹.

¹ Князь Курбский, увлеченный библейским образом пророка Нафана, обличающего царя Давида, рисует картину исправления молодого царя под влиянием

Началось время царствования Иоанна. Была покорена Казань, Астрахань и часть Ливонии. Народ вздохнул спокойно. Вдруг заболевает царь серьезно и опасно и требует, чтобы бояре, а за ним народ присягнули его сыну, малютке Дмитрию. Но часть бояр не хочет иметь царя-ребенка и переходит на сторону двоюродного брата царя Владимира, князя Старицкого, которого думает после смерти Иоанна выбрать в цари. Протопоп Сильвестр и окольный Адашев, ближайшие друзья Иоанна, тоже находят нужным предложить престол по его смерти князю Владимиру Старицкому. Когда царь Иван Васильевич поправился, встал с постели и узнал обо всем, в его душе закипела непримиримая ненависть к боярам. А тут еще наследник царевич и сама царица Анастасия умерли, и в народе пошли темные слухи, будто бы их отравили Сильвестр и Адашев, чтобы никто не мешал войти на престол князю Владимиру Старицкому. И участь прежних друзей, а также и многих других бояр, была решена. Горе, ненависть, клевета и недоверие к окружающим круто изменили к худшему характер царя. Он начал с того, что заточил в дальний монастырь Сильвестра, где он проводил высокую духовную жизнь и велел бросить в тюрьму Адашева, где последний вскоре и умер, не дождавшись суда над ним.

Всех родственников своих, недавних любимцев, царь под-

протопопа Сильвестра. Еще более усилил краски Карамзин, изобразив Сильвестра являющимся перед Иоанном в момент московского пожара 1547 г. «с поднятым, угрожающим перстом» и с пламенной обличительной речью.

верг опале, многих из них сослал, лишив имения и казны, других казнил лютою смертью.

Но этим не ограничился гнев царя. Как-то ранним зимним утром царский дворец опустел, а из Москвы к Александровской слободе² двинулись сани и колымаги с царским имуществом, с самим царем и семьею, со всеми приближенными и свитой царской.

В Москву же был послан гонец с грамотой, которую царь приказал читать всенародно. В этой грамоте говорилось, что государь Московский, разгневанный на измены и крамолы ближних бояр, уезжает из Москвы и вернется к делу правления лишь в том случае, если ему позволит весь народ распоряжаться, как заблагорассудится, с его царскими послушниками и изменниками.

В тот же день были собраны выборные люди из духовенства и бояр и отправлены в Александровскую слободу с просьбою к царю от всего народа московского не покидать его и продолжать царствовать над Русью. И царь согласился.

Согласился с тем, что никто не посмеет перечить, мешать ему, что бы он ни предпринял с этой минуты. Народ покорно согласился на все. Иван Васильевич принял за свою страшную расправу. Он начал с того, что разделил Русь на две части: на опричнину и на земщину. Бояре составляли земщину и продолжали участвовать в делах государя, заседали в думе, принимали с царем иноземных послов и т. п.

² Ныне город Александров Владимирской области.

Но гораздо большее значение имела опричнина.

Название опричнина происходило от слова «опричь», то есть «кроме». Опричник никому не подчинялся, кроме царя. Он был и царским телохранителем, и первым слугою у царя. Опричников сначала набрали до 1000 человек, вскоре их накопилось до 6000. Для их содержания были назначены многие города, с которых и собирали дань.

Это была страшная царская свита. Где бы ни появлялись опричники, всюду оставались за ними пустота и разорение, а очень часто и гибель, смерть людей. Они ездили всегда верхом в нарядных одеждах, в бархате и соболях, в золотом шитых кафтанах. На седла за спиною они привязывали чучела собачьих голов и метлы. Это означало, что они готовы загрызть, как собаки, врагов царя и вымести до конца всякую измену из государства.

Большую частью опричники происходили из незнатного рода, но верностью царю дослуживались до чинов и становились знатнее всяких земских бояр. Правда, иногда попадали в число опричников и князья, и дети боярские, но это случалось редко. Для знатного родовитого боярина считалось позором играть роль палача и грабителя, какую с удовольствием брал на себя опричник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.